

8/11-50

Пастернак Б.М.

Лица диалога: Субъект. Чиновник полиции, Лефевр.

Чиновник полиции. Это называется у нас кражей.

Субъект. Я знаю.

Чиновник полиции. Кража преследуется законом.

Субъект. Здесь? В данный момент?

Чиновник полиции. Везде. Во всякое время.

Субъект (бросается к окну). Где? Я не вижу.

Чиновник (спокойно). Оставьте эти штуки.

Субъект. Собственность? — Я читал. Я знаю. Я знаю географию. Виновато не мое невежество. Виной всему — рассеянность. И привычка.

Чиновник. Вот именно. (Внушительно). Пагубная.

Субъект (хладнокровно). Опять вы не поняли. Я забыл, что за границей (пауза). Дело было за городом. Везли арестантов. Впрочем, началось после. Знаете, там спуск к лодкам. Черная косая тень. Смоленные заборы, парусина. Народу собралось (глубокое вздох) — не рассказать (вдох: пауза).

Видите ль (комкает какую-то бумажку и, опустив голову, рассматривает ее), вас, верно, ставит в тупик секрет моего воздействия на ваши массы?

Чиновник (за писаньем, рассеянно, без видимой связи). Да. В вас сразу узнаешь иностранца, чуть заговорите.

Субъект. Я разделяю ваше изумление. Но странность моего выговора — ничто в сравнении со странностями (подымается).

Чиновник. Лефевр, держи!

Субъект. Зачем вы кричите?

Чиновник. Куда вы? (спокойно). — Это — моя жена.

Субъект. Мы тут кричим. Правда, это в конце коридора. Но все-таки. Она ни разу не обернулась. Она глуха?

Чиновник (раздраженно). Она готовит. Она стоит у плиты, вы слышите? (спокойней). Но вы мастер заговаривать зубы. Признаете ли вы себя виновным?

Субъект. Конечно. Рассеянность — порок. Естественный у человека на чужбине.

Чиновник. При чем тут рассеянность?

Субъект. Там спуск. Толпа растянулась до самых лодок. Запомнил корму с надписью Дюгонь.

Чиновник. Лодка Фабра. Прекрасно. (Дальше оба вслушиваются...)

Субъект. Когда я кончил, посыпались вопросы. Им предшествовало восхищение. Сразу догадались, откуда я. Заинтересовались. Стали спрашивать: «Ваша профессия?» Я не успел ответить. «Ваш заработок?». Я ответил движением руки. Указал на них, на себя, на море.

Чиновник (перебивая). Вздор. Что вы имели в виду при этом?

Субъект. Ситуацию. Отношения. Их положение кругом меня, мое — среди них, положение каждого из них среди...

Чиновник (взмахнув ручкой). Так вы проповедник? (собирается зачеркнуть строчку в протоколе).

Субъект. Оставьте, что вы? У вас верно написано. Я — то, чем назвался (заходит за спину чиновника).

Чиновник (оборачиваясь). Отойдите, пожалуйста. Вот ваше место.

Субъект. Так вот. Тогда... (оба вслушиваются).

Чиновник (нервно). Ну — что вы тянете? — Тогда... Не отвлекайтесь (пауза, затем совершенно спокойно). Это — наш знакомый.

Субъект (выразительно, с расстановкой). У нас этого не бывает.

Чиновник (возмущенно). Это вас не касается. Не ваше дело. (Оба вслушиваются).

Чиновник. Сейчас (захлопывает бюро, встает). Лефевр, смотри за ним. (Уходит. Слышны долгие удаляющиеся шаги по коридору).

(Лефевр и Субъект молчат, Субъект читает номер местной газеты. Улыбка снисходительного сожаления).

Диалог

Тостерман

Лефевр (преодолев смущение). Я давно хотел спросить, что это за язык — священо-славянский?

Субъект (поправляет). Церковно-славянский.

Лефевр. Да, церковно-славянский. Это вроде латинского? Это ваша латынь?

Субъект. Это древняя форма нашего языка. Сколько вы дали за этот велосипед?

Лефевр. Это — подношение. Я — борец.

Субъект. Где же чиновник? Надоедает дожидаться.

Лефевр. Придет. Сегодня суббота. Он в Леклозо собирается. К сыну.

Субъект. Очень рад.

Лефевр. Нет, вы не смейтесь. Я не зря сказал. Он вас долго не задержит. Торопитесь на дачу. То есть вас задержат, конечно. Нельзя. Закон. (Молчание).

Лефевр (мечтательно). На даче хорошо сейчас. Я семью всегда помещаю куда-нибудь на лето. Благодаря сбережениям. Здесь — пыль, духота. Ну, море, конечно. Но такая даль! И загажено. А в городе...

Субъект. Оставьте. Что она вам дурного сделала?

Лефевр. Да, правда. (Машинально). Как начнешь о даче говорить, рука невольно как-то к окошку тянется. И давишь... Это мясная, зеленая... Разнощипа заразы... Вот он идет. Что это вы?

Субъект. Ногю натер (стучит носком стланутого сапога по краю стула, вытрясая песок).

Чиновник (входит с часами в руках). Что это вы?

Субъект. Берегом набилось. Сейчас.

Чиновник. Ну. Я тороплюсь. Рассказывайте (садится).

Субъект. Вообразили, что я со шляпой обойду их. Стали вытаскивать кошельки. Между тем дело было после обеда, на мне было все чистое, я возвращался с купанья.

Чиновник. Так что же? Не понимаю.

Субъект. У меня не было никаких потребностей в тот момент. Кроме одной.

Чиновник. Какой?

Субъект. Потребности производить.

Чиновник. Ну! Что ж вы остановились?

Субъект. (Не понимает).

Чиновник. Что производить?

Субъект (только теперь сообразив). А, понимаю. — Это несущественно. Производить — ну впечатление, скажем. Это моя специальность.

Чиновник (пожимает плечами, смотрит на Лефевра, который отворачивается, фыркает в клетчатый платок и отходит к окошку).

Чиновник (кусая ус, нервно). Прекрасно. Прекрасно. Итак. Позвольте. Но нас не это занимает. Нас интересует нечто иное. Нас...

Субъект (захватив воздух, чтоб выложить все сразу до конца; возбужденно). Вот что. Я забыл, что за границей. Дома это так у нас делается. Всякий отводит душу в работе. Как бы вам объяснить. Вот. Как у вас телеграф, водопровод, газ, так труд у нас. Повсюду проведен. Станции. Аппараты. Человек играючи живет. Производит. Мимоходом. То тут, то там. Где день его застанет. Где, в горячем состоянии, он попадает на искру. Хорошо. Никто с ним не расплачивается. Это — абсурд. Этот абсурд прикреплает к месту. Ваш человек —

место на пространстве человечества. Его точка. А у нас он...

Чиновник. А у вас?

Субъект. А у нас состояние. Состояние человечества. Степень. Градус его кипенья.

Чиновник. Ну, дальше. Лефевр, сажая мой, пожалуйста. А потом клинешь, фиакар. Ну, дальше. Все это я знаю. Нас это не занимает. Нам интересно...

Субъект. Знаю. Дело было вечером. В другом конце. Мне понравилось расположение рынка. Перед этим я был у моего французского издателя.

Чиновник. Чего вы смеетесь?

Субъект. Вспомнил церемонию приема. Правда, до того мы были незнакомы. Только по переписке.

Чиновник. Ну?

Субъект. От ужина отказался. Не хотелось есть. Какого труда стоило! Насили уговорил его. Уговорил все-таки. Стали убирать. Мы убрали портьеры и ковры. Некому было. Консьерж ушел со двора. И прислуга. За делом объяснял ему устройство подвешенных насаждений и переломленных...

Чиновник (быстро). Читал! Вы молодцы там! Да... Хорошо, положи, Лефевр. Вот тут. Куда ты? Нет, погоди. Не надо. Ступай. Я сам найму. Рано. — Ну, продолжайте. Послушайте. За уборку вы могли получить три франка, а прочти вы доклад о рефракционных культурах ячменя, и все триста собрали бы. И зимой, как тысячу. Верное слово. Ведь и это чертовски интересно. Но теперь в городе ни души. К вечеру все бегут отсюда. Да (мнет; тихим бархатистым голосом). И не было бы надобности возвращать.

Субъект. Когда дорогой назад я опять попал на рынок, почувствовал вдруг, что голоден. Чудная площадь. Хорошо, что глухие стены. Окна все бы портили. А так, вы заметили? Впечатление, будто у облаков — головокружение, и они избегают смотреть вниз. Вы заметили? Стараются избегать. Но лишь взглянуть, разом темнеет в глазах. Быстро меркнут ведра, чепцы торговцев — простите, уклонился. Так вот, я почувствовал голод. Забыл, что за границей. Выбрал дыню. К булочнику там наискосок. Зажигали уже. Ну поднялся крик. Дальше вы сами знаете. Наше государство — живой банк. Ничего не может быть проще. Тело и дух ручались, что где-то, — где именно — неважно, сделаны были ими посильные вклады в этот день. А то бы они роптали. Тогда б я не чувствовал голода. Тогда б я попал в больницу.

Чиновник (волнуясь). Ну, ну, — я вас слушаю (восхищенно). Ты понимаешь, Лефевр? — Я всегда восторгался вашей системой. Но здесь вы подчинены общим законам. — Что, Лефевр?

Лефевр. У нас это бы не привилось.

Чиновник (рассеянно). Да. (Субъект, порывисто). Ну. Продолжайте. Как биржа, говорите вы?

Субъект. Важно то, что были вклады сделаны. Где. На этой планете, под этим небом. Так вот, под этим самым небом мне и предстояло сделать выемку. Потребность — лучший учетчик. У нас страшно развилось чувство природы. Нас бросает в моральный озноб, когда мы находим температуру человечества ниже той, какую оно приобретает с общением ей нашей. Ежедневно просыпается в состоянии горенья, с запасом жара, и невозможно не отдать его. Так на-

ОТКРЫТЫЙ

ступает охлаждение. Тут идешь запастись новым теплом. Все равно куда. Это — биржа жарообмена. У вас это называется чувством долга. Мы без этого задохнулись бы. У вас это называется обязанностью трудиться, социальной справедливостью. Моральные пластыри на больных местах. Дикое мясо. У нас эти места омолажены. Вот видите (показывает). Эти ногти не стали когтями. А эти — копытами. Боялись — все набросится на приятное. И что же. Вы сами знаете. Вот (кивком ссылается на газету).

Чиновник. Да, да. Впрочем, поживем, увидим.

Субъект. Одним нравится разнообразие. Ходят по разным мастерским. Это — бывший человек. Он вырождается. Редчает. Другие — рабы своих особенных задатков. Это — будущие породы. Каждое новое поколение умножает несходства. Сегодня еще это — племена. Завтра это будут расы. Когда-нибудь — разновидности высшего животного. Еще позднее — разные миры. Не бойтесь. Мы знаем. У нас уже есть ручательства. — Я вижу, вы торопитесь.

Чиновник. Да. Лефевр, фиакар, пожалуйста. (Лефевр уходит). Послушайте. Скажите, зачем вы покинули такую страну? Ведь это лучшее место в мире. Я не понимаю поездок от вас к нам. Я не понимаю наших соотечественников, путешес...

Субъект. А я понимаю. Я объясню вам. Я люблю мою родину так, как... Ах, знаете, до умопомешательства порою! Так у нас любят все. А как у нас любят! Ведь это будущее вселенной! Ведь это будущее скользит во всем. Все гениальны, потому что как лен отдают всего себя, до последнего волокна ему, его ткани. Найдите мне посредственную кошку? Бездарную ласточку? А чтобы дать, чтобы быть в состоянии дать, берут все, что могут взять. Оказалось, что в состоянии гения человечество вносит утраченный баланс в шатающуюся жизнь. Она не колеблется у вас только от того, что она пала, лежит и еще не поднялась.

Чиновник. Ну да, тем непонятнее мне. Как можно уехать отсюда. И при таком... (не находит слова) патриотизме.

Субъект. Родина. О, как я люблю ее. И что это значит! Ваши любящие вот. Вот, видите. Этот дом и забор. Да подойдите же. Ну.

Чиновник (усмехается). Зачем. Ну да, я знаю их. Нечего смотреть. Pix parcellés. А внизу: En Vente Courtorise 63807. Во сне скажу.

Субъект. Вот видите. Пока они целы — стоят рядом. Стоят давно и долго еще простоят.

Чиновник. Да. Распродаются вяло.

Субъект. Вот. У вас любовь — в расположении. Виноват, это двусмысленно, в местоположении, хотел я сказать. В местоположении двоих среди множества. Оседлость духа и без того неподвижного. А у нас человек находит себя там, куда его занесла та сила, которая бродит в нем. Куда его забросила буря. Иногда она бросается в руки и в ноги, в грудь; — а иногда — в голову. В последнем случае человек ищет одиночества. Вам многое неизвестно. А мы видели лбы, плавающие от любви к женщине. Буря заносила их на Марс. Вот как именно любовь к родине приводит нас по временам за границу.

Чиновник. И все же я не понимаю ваших. Вот и N. приехал.

Субъект. Да. Я знаю. Он — в Дьеппе.

Чиновник. Нет, здесь.

Субъект. Как? Здесь?

Чиновник. Да. Вот, дайте-ка сюда газету. Я найду сейчас. Ну вот. Пожалуйста.

Субъект. Вот чудно! — Верно... Верно... Писал знающего.

Лефевр. Весь квартал обошел.

Чиновник. Ах, да! Нынче они ведь бастуют. Ну делать нечего. Отправлюсь пешком. А вам придется подождать денек. Это ведь не от меня зависит.

Субъект. Здесь.

Чиновник. Нет, при арестном доме. Вас отведут.

Лефевр. Я отведу вас.

Чиновник. Ну я еду. До свидания. Не вздыхайте. Я тут ни при чем. До лучшего будущего.

Субъект. Всего хорошего. (Чиновник уходит).

Лефевр. Ну собирайтесь, сударь.